

O. P. Korepanova, Kalashnikov Izhevsk State Technical University
M. M. Kochurova, Kalashnikov Izhevsk State Technical University
R. M. Filatova, Kalashnikov Izhevsk State Technical University

About the Role of Remote Technologies in Language Education: Experience of Videoconferences Holding in Technical Institution

The role of remote technologies in language education and videoconferences in development of foreign language communicative competence of technical students are revealed. Videoconference preparations as well as experience of ISTU English chair to conduct them are described.

Key words: videoconferences, presentation, discussion, a foreign language communication competence, culture of professional communication.

УДК 802/809-07

С. Ю. Соломатина, кандидат филологических наук, Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова

РАЗВИТИЕ СПОСОБНОСТИ АДЕКВАТНОЙ ПЕРЕДАЧИ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ЭССЕ)

Вопрос о коммуникативной компетенции адресата особенно важен при переводе такой литературной формы, как эссе. Задача переводчика часто состоит не просто в передаче значений слов, а в передаче мысли автора с одновременной ее интерпретацией для носителя другого языка. Анализ контекста позволяет переводчику выбрать наиболее адекватный вариант из числа синонимов, подобрать максимально уместный прием перевода, особенно в тех случаях, когда в ПЯ отсутствует эквивалентная единица или переводчик понимает, что конкретная единица в тексте ПЯ употреблена окказионально и для ее передачи требуется нестандартное решение.

Ключевые слова: контекст, эссе, лексическое соответствие, переводческая деятельность, коммуникативная компетенция.

Контекст является фундаментальной опорой в переводческой деятельности именно потому, что перевод выступает в качестве лакмусовой бумажки адекватного восприятия, а следовательно, и воспроизведения текста, в котором сама адекватность порождается только с учетом всего контекстного окружения. Более того, в современной теории перевода совершенно ясно определено положение, согласно которому перевод возможен не в силу каких-либо регулируемых или системных отношений между единицами соответствующих языков, а только потому, что перевод имеет дело с текстом, вмещающим в себя все контекстные факторы (интра- и экстралингвистические), на основе которых перевод может быть в идеале вторым существованием оригинала [1, с. 15].

Действительно, наглядно и предельно убедительно роль контекста выступает при переводе текста с одного языка на другой. Полное смысловое соответствие перевода и оригинала достигается лишь при выполнении условия передачи тождества смысла (в идеальном случае) языковых единиц, достигаемой благодаря сохранению контекстуальных значений всей совокупности фраз текста. Любая многозначность языковых единиц, фразеология, реалии поддаются переводу не в силу некоторого абстрактного соответствия отдельных словарных единиц, а благодаря раскрытию всех контекстных смысловых связей элементарных единиц, образующих целый коммуни-

кативный отрезок. Можно сказать, что при переводе учет контекста есть не только обязательный элемент переводческой деятельности, но и предварительное условие творчества переводчика, выступающего в роли настоящего интерпретатора текста в его лингвистическом, культурном, художественном, научном и других аспектах [2, с. 111].

Трудности перевода связаны по существу не со знанием языка, а со способностью переводчика находить в языковых системах те лингвогносеологические закономерности, которые определяют место каждой языковой единицы в соответствующем семантическом окружении смысловой ситуации языков переводимых оригиналов, т. е. которые диктуют единственную контекстную возможность адекватной передачи содержания текста.

Контекст – это языковое окружение, в котором употребляется та или иная лингвистическая единица. Контекстом слова является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых встречается данное слово. Следует отметить, что слово – не единственная единица языка. Существуют другие лингвистические единицы: фонемы, морфемы, словосочетания и предложения, и они также встречаются в определенном языковом окружении. Следовательно, можно говорить и о контексте фонемы, морфемы, словосочетания и предложения. Но переводчика чаще всего интересует контекст слова и контекст всего произведения в целом.

В пределах общего понятия контекста различается узкий контекст (или микроконтекст) и широкий контекст (или макроконтекст). *Узкий контекст* – это контекст предложения, т. е. лингвистические единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения. К узкому контексту относятся случаи раскрытия однозначности собственно внутренних факторов языка на лексическом и синтаксическом уровнях. В связи с тем, что в системе языка все элементы сцеплены как синтагматической, так и парадигматической связью, то, естественно, контекст есть прежде всего грамматически организованное единство, в котором реализуется семантика единиц всех уровней. Этот грамматический контекст образует первый вид контекстной семантики.

Там, где начинается связь не в пределах предложения, а между самими предложениями, возникает условие для семантического контекста, образуемого текстом. *Широкий контекст* – это текстовой контекст, т. е. совокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения, иными словами, – в смежных с ним предложениях.

Но макроконтекст по своей природе существенно отличается от микроконтекста. Если для микроконтекста основным механизмом служит конкретизация слов в соответствующих группах словосочетаний, то в макроконтексте решающим фактором являются предварительные знания возможного значения как отдельных слов, так и словосочетаний. Предварительное знание есть не что иное, как явление *пресуппозиции*, как бы программирующее соответствующее однозначное понимание отдельных слов внутри фразы и, следовательно, всей фразы. Логическая структура любой пресуппозиции едина и укладывается в формулу обычной импликации *если... то* (если темой рассуждения является то-то, то значение, проявляющееся в тексте слов, должно быть то-то). Однако при единой логической структуре пресуппозиции основанием для заключения могут служить не только чисто языковые данные, доступные в целом каждому коммуниканту, но и данные, связанные с фактическими, научными, культурными, эстетическими и т. п. знаниями, что и дифференцирует правильность и глубину понимания текста коммуникантами в зависимости от их компетенции. Компетенция коммуниканта распространяется от наиболее низкой степени знания элементарных жизненных реалий до специальных научных знаний [3, с. 65].

Вопрос о коммуникативной компетенции адресата особенно важен при переводе такой литературной формы, как эссе. Переводчику часто приходится доводить до читателя информацию, которая является для него новой, непривычной, трудно воспринимаемой. Задача переводчика часто состоит не просто в передаче значений слов, а в передаче мысли автора с одновременной ее интерпретацией для носителя другого языка.

С другой стороны, задача передачи значений лексических единиц оригинала, естественно, остается одной из основных для переводчика.

Неотъемлемой характеристикой любого конкретного языка являются полисемия и полифункциональность, и поэтому именно контекст предназначен для снятия любой полисемии, другими словами, для утверждения того или иного действительного значения или смысла единицы. Контекст придает той или иной единице языка однозначность и делает возможным выбор одного из нескольких существующих эквивалентов данной единицы в языке перевода.

Полисемия и контекст – это единая основа системной организации и функционирования языка. Они имеют свою материальную основу в виде существования относительно самостоятельных субстанциональных единиц – слов, словосочетаний, предложений и их реального языкового окружения в границах от высказывания до текста [2, с. 131].

Каждое слово имеет характерный только для него контекст, который предопределяется им, но не наоборот, как это принято считать. Само выделение значения, в том числе и производного, есть признание его закрепленности за данным словом как за регулярным его носителем на лексико-семантическом, а не на синтаксическом уровне [4, с. 94].

Разумеется, в практике работы переводчика выбор одного из нескольких существующих соответствий слова не всегда прост. Приведем несколько наиболее ярких примеров из разных эссе.

В эссе Мей Сартон «Радости одиночества» (“The Rewards of Living a Solitary Life”) трижды встретилось слово *space* в следующем контексте: “*But having taken the plunge, he is now on the brink of adventure; he is about to be launched into his own inner space, space as immense, unexplored and sometimes frightening as outer space to the astronaut*” [5, с. 348].

В данном случае недостаточно просто учета синтаксического контекста. В этой ситуации выбор эквивалента можно определить лишь с учетом лексического контекста. Существительное *space* в сочетании с прилагательным *inner* буквально можно перевести как *внутреннее пространство*, так как словарь предлагает следующие соответствия для слова *space*:

- 1) *пространство*; место;
- 2) космос;
- 3) расстояние;
- 4) промежуток времени;
- 5) *полигр.* шпация.

Однако здесь напрашивается использование более устоявшегося сочетания в русском языке – *внутренний мир*. В этом же предложении сочетание существительного *space* с прилагательным *outer* мы переводим как *Вселенная*. Таким образом, у нас получился следующий перевод: «*Но, сделав решительный шаг, он сейчас находится на краю авантюры; он собирается броситься в свой внутренний мир, мир такой необъятный, неисследованный и иногда такой же пугающий, как Вселенная для астронавта*».

Несовпадение в разных языках сочетаемости отдельных слов, соответствующих друг другу по словарному смыслу, отнюдь не служит препятствием

для полноценного перевода: выход из положения достигается путем замены слова, не сочетающегося с другим. Например, сочетание *crack of the plate* в эссе Ричарда Селзера «Метатель тарелок» (“The Discus Thrower”) нельзя перевести буквально *треск тарелки*, учитывая контекст. Тарелка разбивалась о стену, необходимо перевести *звон тарелки*: “There is the crack of the plate breaking against the wall... [5, с. 112] = *Следует звон тарелки, разбивающейся о стену...”*

Суть отношений значения слова и контекста состоит в том, что по своей природе абстрактная семантика номинативной единицы предполагает свою обязательную конкретизацию в рамках коммуникативного целого. Так, в названии эссе Ричарда Хауи “How to Write a Rotten Poem with Almost No Effort” присутствует словосочетание *rotten poet*, которое следует передавать с учетом контекстуальных условий. Весь очерк пронизан иронией, автор дает рекомендации людям, которые не должны писать стихи. Для прилагательного *rotten* в словаре И. Р. Гальперина приводятся следующие соответствия:

- 1) гнилой, прогнивший, испорченный, тухлый;
- 2) непрочный, слабый;
- 3) *эмоц.-усил.* поганый, дрянной, отвратительный [6, с. 1135].

Ни одно из них не может быть использовано, но значение лексической единицы в рассматриваемом контексте понятно, поэтому используем генерализацию и употребляем соответствие – *плохое*: «*Как написать плохое стихотворение, не прилагая почти никаких усилий*».

Рассмотрим пример несколько иного типа, в котором возникшая трудность также преодолевалась путем лексической замены, – пример из эссе Джоу Гудуин Паркер «Что такое бедность?» (“What Is Poverty?”): “*When I left them with "Granny" the last time I had a job, I came home to find the baby covered with fly specks, and a diaper that had not been changed since I left*” [5, с. 151].

Буквальный перевод сочетания *fly specks* – *мушинные пятнышки, мушиный помет*. Последнее сочетание не пригодно для употребления в данном контексте, так как речь идет о детях. Соответственно, мы подобрали слово, допускаемое лексико-стилистической нормой: «*Последний раз, когда я работала, я оставляла детей с «бабулей», а вернувшись домой, обнаруживала, что на грудном ребенке сидели мухи, а пеленку не меняли с тех пор, как я ушла*».

Одна из особенностей перевода как вида коммуникативной деятельности состоит в том, что он нацелен не на абстрактные сопоставления языковых единиц соответствующих языков, а на адекватное

воссоздание содержания подлинника. Словарь, например, является наихудшим помощником переводчику в том плане, что он, как правило, не дает необходимых контекстуальных соответствий, а в лучшем случае – перечисляет некоторые номинативные значения слов и выражений. Например, английское существительное *range* имеет следующие значения, отмеченные в словаре:

- 1) ряд; линия; цепь (гор);
- 2) пастбище;
- 3) *зона, сфера, радиус действия*; предел; размах; *перен.* область распространения;
- 4) *воен.* дальность; дальнобойность; досягаемость;
- 5) полигон.

Но ни одно из них не подходит к контекстуальным условиям эссе Джоун Дидион «Столичный кафедральный собор в Сан Сальвадоре» (“The Metropolitan Cathedral in San Salvador”): “*It had been on television, the bodies jerking, those still alive crawling over the dead as they tried to get out of range*” [5, с. 215].

Речь идет об убийстве большого количества невинных прихожан на ступенях кафедрального собора во время политической акции, которое сняла телевизионная компания «Си-би-эс». Покалеченные люди старались выбраться из *зоны обстрела* (*range*). Однако использование этого соответствия в переводе представляется не совсем удачным, оно является слишком формальным, характерным, скорее, для военного отчета, а не эмоционального описания. Поэтому исходя из контекста переводим: «*Да, это показывали по телевизору, тела людей в конвульсии, а те, кто еще был жив, ползли по мертвым, пытались убраться подальше из этого ада*».

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что выбор лексического соответствия в контексте перевода определяется не только лексической и грамматической организацией оригинала, но и его коммуникативной направленностью, многими экстралингвистическими факторами.

Библиографические ссылки

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Колианский Г. В. Контекстная семантика. – М. : Наука, 1980. – 148 с.
3. Власова Ю. Н. О пресуппозиции // Проблемы семантического синтаксиса. – Пятигорск, 1975.
4. Юлдашев А. А. Об одном специфическом типе лексического значения // Вопросы языкознания. – 1976. – № 4.
5. 75 Readings: an Anthology. – 3.ed. – New York, 1991. – 523 p.
6. Гальперин И. Р. Большой англо-русский словарь. В 2 т. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1987. – 1685 с.

S. Yu. Solomatina, PhD in Philology, Kalashnikov Izhevsk State Technical University

Adequate Choice of Lexical Equivalents in Vocational Training of the Translator (Based on the English Essays)

This paper discusses some problems of translating literary works belonging to the genre of an essay. It focuses on the necessity of accurate translation of the words denoting cultural concepts and proves that identical translation is impossible without paying due attention to the author's individual style – the leading stylistic devices, the slant of the narration and its mood. Any word in the text interacts with other words in the text and with the whole text at large. This interaction among words determines their meaning rather than its isolated meaning. Linguistic context cites the linguistic factors influencing the meaning of the text.

Key words: context, essay, lexical equivalent, translation activity, communicative competence.